

НОВЫЕ ИМЕНА

БЛАГОРОДНАЯ МАНЕРА. Утонченность. Чувство формы... — О ком это?

— О Бессмертновой и Лавровском, о молодых артистах, только что окончивших балетную школу ГАБТ.

На небосклоне советского балета зажглись две новые звезды. Долго ли они будут сиять? Станет ли их блеск ярче или он потускнеет со временем, как это, увы, часто случается в балете? Не знаю. Но знаю твердо, что, если эти юные, очень одаренные артисты уже сегодня, сейчас, едва вступив на сцену Большого театра, начнут работать с настоящим трудолюбием и самозабвением подлинных, а не мнимых талантов, — они достигнут многого. Очень многого!

Откуда такая уверенность? От всей их предыдущей работы в стенах школы. От впечатлений, полученных на экзамене по классическому танцу и на еще более серьезном экзамене в вечер торжественного концерта, посвященного выпуску. От восторженных отзывов итальянской прессы в дни ранней весны, когда выступления студентов Московского хореографического училища на фестивале в Парме покорили публику и балетных критиков.

Впрочем, я надеюсь, что у моих героев достанет разума, самокритичности и понимания того, как много им еще не хватает, и никакого «головокружения от успехов» не произойдет. Во-первых, потому, что упоение своим успехом и самодовольство — самые верные средства самоуничтожения таланта. Во-вторых, мои коллеги — итальянские балетные обозреватели — так переборщили в оценке техники, мастерства и тому подобных «взрослых качеств» начинающих юнцов, что они, воспетые и прославленные, знают: это очень приятно, но не очень обоснованно...

Поэтому поговорим о серьезном: о работе. Как у всякого балетного артиста, она началась еще в раннем детстве, с первого дня в школе, когда Наташа Бессмертнова впервые встала к «станку» в классе Е. А. Лабчинской, а Миша Лавровский сделал первый батман тандю под наблюдением О. К. Ходет. Припомним пот и слезы, обильно пролитые на всех «этапах школьного пути», ибо с первого шага будущего артиста подстерегают огромные физические трудности. Припомним все эти страшные, часто кажущиеся непреодолимыми «у меня не получается», все эти репетиции без счета, уроки, каждодневные, однообразные, утомительные до изнурения... И первый искуc, который проходит будущий танцовщик, — испытание на выносливость, силу воли, целеустрем-

НАЧАЛО

ленность. Чем выше талант — тем очевиднее эти свойства характера.

А за первыми — новые испытания. И так всю жизнь. От первого выхода на сцену: Миша Лавровский, изображающий сына старого генерала в первом акте «Медного всадника», — маленький мальчик в большой толпе на Сенатской площади. Мальчик обмирает от страха на огромной сцене, ему кажется, что все смотрят только на него, а он старается изо всех сил сделать то, чему его научили, и боится, смертельно боится, что «все не так»... И то же чувствует Наташа Бессмертнова — нарядная девочка, затерявшаяся среди детей на елке в первой картине «Щелкунчика».

Они растут. Им становится все труднее. Все сложнее танцевальные и сценические задания. Они требуют все больших усилий. Иногда тщетных. Но порой, пусть редко, усилия вознаграждаются, и тогда — как радостны тогда удачи.

...Маленький Щелкунчик, отважно сражается с полчищами мышей. Вот он победил их страшного короля, пронзив его игрушечной шпагой. И с заливчатым видом бывалого воина вытер со шпаги «кровь врага». Вот этому исполнителю из второго класса уже никто не учил. Это ему подсказано чутьем, освещено той первой искоркой, которой, быть может, суждено

разгореться в чистое и яркое пламя таланта.

Быть может, разгорится. А если нет?

Работать! Не дать погаснуть искре, развить природные данные до мыслимого предела «школьного совершенства»! Над решением этой задачи бьются, как и все их товарищи, воспитанники Лавровский и Бессмертнова, их друзья, руководители и педагоги — М. А. Кожухова и Н. И. Тарасов, Л. К. Черкасова, Г. Евдокимов, С. Голвкина.

Дети взрослеют, они проходят всю производственную практику, танцуют все усложняющиеся партии в школьном спектакле — бессмертном «Щелкунчике» Чайковского, выступают в «Красном цветке», «Спящей красавице», «Дон-Кихоте» на сцене Большого, участвуют в танцах из опер, видят великую Уланову, Ермолаева, Кореня, Кондратова, Габовича близко — они рядом, на одних подмостках, и дети продолжают учиться и здесь, во время спектаклей с участием настоящих мастеров — учиться собранности, ответственности перед зрителем — народом, перед своим трудным, иногда мучительным, но всегда прекрасным искусством.

И наступает депь, когда оказывается, что до окончания школы остались считанные месяцы и пора уже гото-

вить выпускную программу и собираться в первое зарубежное турне — в Италию, на фестиваль студентов театральных вузов Европы. Да, они — студенты. Именно в этом году хореографическое училище Большого театра стало высшим учебным заведением и нынешние выпускники получили первые дипломы. Приятно. Но и ответственно, безмерно ответственно. И, возможно, это сознание тоже влияет на исполнительские качества выпускников.

Так или иначе, но публика июньского концерта Московского Академического хореографического училища быстро знакомится с выступающими и еще быстрее производит для себя «естественный отбор» лучших. И лучшие получают самые дружные аплодисменты, их имена уже передаются из уст в уста, и к концу вечера все убеждаются, что на балетном небосклоне вспыхивают новые звезды.

Ура!

Повременим. Но все-таки расслажем о том, как хорош был Михаил Лавровский в классическом па де де из «Эсмеральды». Дуэт Дианы (которую танцевала сильная исполнительница Нина Сорокина) и Актеона — великолепный номер, дающий возможность всесторонне показать способности актеров. И Лавровский действительно был очень хорош: мужественная пластичность, благодарные внешние данные, безупречная школа. Но мы помним, что некогда Диану танцевала Уланова, а Актеона — Чабукяни, и это было совершенно. Гениям подражать бессмысленно и не нужно. Но ориентироваться на высшие образцы совершенства надо. Лавровский обладает столь яркой индивидуальностью, что он, надеюсь, всегда будет Лавровским, а не эпитимом Чабукяни. Просто молодому артисту предстоит обрести еще много отличных танцевальных и сценических свойств, которые сблизят масштабы их дарований. Ну, а что касается совершенства, то ведь оно — всегда впереди...

Об этом мы думали и тогда, когда Наталия Бессмертнова спустя шесть дней после выпускного концерта получила дебют в Большом театре. Она танцевала в «Шопениане» и тоже была очень хороша. Но... только в Мазурке. Здесь ее воздушность, «протяженный», летящий прыжок, ее необыкновенные, порой «неправильные», но удивительно гибкие, живые, «поющие и струящиеся» руки, ее одухотворенность, напоминавшая Ольгу Спесивцеву, — одним словом, все ее лучшие свойства раскрылись и заиграли волшебными оттенками музыки Шопена... А рядом был сухой, почти лишенный поэзии Седьмой вальс, исполненный формально и холодно.

Почему так случилось? Возможно, сказало волнение дебюта. Или недостатки школы, точнее — вышколаенности. Известная слабость техники двух-трех сложных движений. Отсутствии привычки к партнеру, к дуэтному танцу. Впрочем, последнее предположение вряд ли правильно. Ведь в «Этюде» Листа Бессмертнова точно чувствует законы дуэта, и вместе с Лавровским они являют пример гармонии и музыкальности почти идеальной.

«Этюд», сочиненный Л. М. Лавровским почти двадцать лет назад для Е. Чиквандзе и Ю. Гофмана и поставленный теперь для начинающих танцовщиков, обрел новые неожиданные и чудесные черты. Пылкая и страстная песня торжествующей любви, исполненная такими юными существами, прозвучала прозрачно и необычно: здесь снова проявилась яркая индивидуальность Н. Бессмертновой и М. Лавровского.

Вот в том, что они своеобразны и мало на кого похожи, залог развития их таланта, их театрального будущего. Оно начинается сегодня. Начинается не очень легко и очень правильно: с исполнения самых маленьких ролей, с выступлений в кордебалете, с умения выйти на сцену даже в последней линии кордебалета так, чтобы это было по-настоящему артистично.

Но впереди — и скоро! — «Пламя Парижа», все важные партии которого поручаются сегодняшним выпускникам: Лавровский — Филипп, Бессмертнова — Актриса, а их одноклассники — в остальных труднейших ролях. Впереди, вероятно, Одетта — Одиллия в «Лебедином озере» у Бессмертновой. Базиль в «Дон-Кихоте» у Лавровского и так далее до бесконечности, ибо впереди — целая жизнь.

Анна ИЛУПИНА.

Фото Н. Рахманова.